

18+

Ирина
Мисевич

КУДА УХОДЯТ СКАЛЫ

Ирина Мисевич

Куда уходят скалы. Книга первая

«Издательские решения»

Мисевич И.

Куда уходят скалы. Книга первая / И. Мисевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-561562-6

Мечта профессора Романовского — подарить миру долголетие. В поисках формулы на кону часто оказывается не только его жизнь, но и жизни близких людей. Сквозь события, пронизанные шпионскими и масонскими персонажами, в романе прослеживается глубокая мысль — изучение человеческой души. Эта книга о мечте, о любви, о сильных и цельных людях. В основу романа легли реальные события.

ISBN 978-5-00-561562-6

© Мисевич И.
© Издательские решения

Содержание

Якутия	7
Михаил Кондратьевич	8
Софья Александровна	11
Москва	12
Михаил Кондратьевич	13
Софья Александровна	15
Яков Ковалев	16
Софья Александровна	17
Эстония	19
Георгий	19
Яков Ковалев	20
Михаил Кондратьевич	21
Вера	22
Михаил Кондратьевич	23
Софья Александровна	24
Яков Ковалев	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Куда уходят скалы

Книга первая

Ирина Мисевич

Редактор Елена Некрасова

Корректор Светлана Иванова

Дизайнер обложки Мария Ведищева

© Ирина Мисевич, 2022

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-1562-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0056-1561-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Квартира профессора Романовского
на Спиридоньевской улице. 1936 год*

Гость говорил почти без акцента. «Вероятно, из эмигрантов», – подумал Михаил Кондратьевич. Профессор был из тех немногих русских, кому позволялось не только общаться с иностранцами, но и принимать их у себя. «Ария заморского гостя», – усмехнулся про себя Романовский, ему, светилу Советской фармакологии, вербовки были привычны. Нельзя сказать, что он был рад Советской власти, но Россию любил, уезжать не хотел, несмотря на то, что в 17-м его повели на расстрел, поставили лицом к стене собственного дома, благо, не убили, тяжело ранили, Софья Александровна выходила, спасла. С двухлетней Верочкой на руках, с еле живым мужем как-то выбралась в другую губернию, выправила всем новые документы, немного изменив фамилию. Как-то затерялись, выжили и приспособились к новой власти.

Профессор с приходом красных начинал аптекарем, но умище не спрячешь, и вскоре уже преподавал в медицинском институте, 1-м ММИ на Пироговке.

Идеи бессмертия, вечной молодости или хотя бы долгой безболезненной старости всегда притягивали сильных мира сего. Пока он может работать, пока подает надежды, семья – в безопасности, более того, они живут в огромной отдельной квартире, сыты, пайки из спецраспределителя, Софья Александровна и Верочка одеваются в Торгсине. Нет, эмигрировать профессор не хотел, Россия давала простор для науки, творчества, в поисках составляющих для его «таблетки молодости, здоровья и долголетия», которую он для краткости именовал препаратом, он мог ездить на Кавказ, на Дальний Восток, в Сибирь. Какая страна даст еще такой размах?!

Софья Александровна была на всю жизнь напугана революцией, новыми вождями, полуграмотными, но очень хваткими и жизнестойкими коммунистами. Она пыталась уговорить мужа уехать в спокойный и уважаемый Лондон или в беззаботный, легкий Париж... Но всякий раз муж убеждал ее в том, что «кровавое время пережили, жизнь налаживается, люди остаются людьми, зверское начало не может доминировать в человеке». Поскольку он со своими знаниями и открытиями нужен стране, науке, вождям, то и его близкие – под защитой. Подали чай и домашний пирог с вишней, фирменный шедевр Софьи Александровны.

– Я понял, господин профессор, что вы собираетесь ответить отказом, но не спешите, такие решения наспех не принимаются. Давайте возьмем паузу, но знайте: вас ценят и ждут,

если вдруг вы решитесь, либо какие-то события вас заставят принять наше предложение, дайте нам знак, – произнес гость и вложил в руку Михаила Кондратьевича листок.

«Смотри-ка: был готов к отказу... Умный и предусмотрительный, впрочем, другого и не прислали бы», – отметил про себя Романовский. Текст-инструкцию внимательно изучил, дал просмотреть и запомнить супруге, затем, раскуривая сигару, поднес спичку к листку и сжег его. Романовский не курил, но запах дорогих сигар ему нравился, а особенно его любила супруга, даже просила иногда: «Покури немного, Миша, пусть в доме мужчиной пахнет...»

Гость ушел.

«Только бы эта инструкция не понадобилась никогда», – подумал профессор.

«Как же я скучаю по Парижу», – пронеслось в голове у Софьи Александровны.

Якутия

Путь экспедиции лежал к потухшему вулкану, который спал уже больше 150 лет, за эти годы в его кратере появились уникальные растения с редкими целительными свойствами. Группа, которую возглавлял Романовский, по мнению русских, была не велика, всего 4 человека и 2 проводника, но для малонаселенной Якутии казалась огромной шумной толпой. Якуты жили обособлено, могли месяцами никого не видеть. Пришлых не сильно жаловали, приходилось коренных жителей подкупать, везти им подарки, стараться расположить этот ледяной народ к себе. Крайне чуждо местному пейзажу выглядел Михаил Кондратьевич: интеллигентное лицо, пенсне и гренадерский рост! Он и среди русских выделялся: почти 2 метра, атлетическая фигура. Якуты рядом с ним смотрелись как дети, но было бы большой ошибкой относиться к ним свысока. Здесь выживание всей группы зависело от этих «детей». Романовский всю жизнь помнил эту экспедицию, во всех мельчайших деталях. Он часто видел во сне то один день из этого путешествия, то другой, возвращаясь туда снова и снова.

Михаил Кондратьевич

Вулкан виднелся издалека: идеально ровный конус с аккуратно срезанной верхушкой, широкий, как бы сплюснутый, он походил на якутскую юрту. Местные его называют каменный шатер. Путь к нему был нелегок, летний полярный день, нестерпимо яркое солнце подтопило вечную мерзлоту, шли где по щиколотку, где по колено в топкой грязи. . . Низкорослые коренастые якутские лошадки от напряжения исходили паром, над нами сплошным черным облаком роились комары. За все наши тяготы были щедро вознаграждены невероятным видом цветущего желтым, фиолетовым, зеленым, абсолютно сказочного шатра! Мы любовались неземной панорамой, стараясь запомнить, вобрать в себя эту красоту, даже наши проводники-юкагиры, выросшие здесь, замерли в восхищении вместе с нами. Я был уверен, что еще совсем немного пройти, и я, наконец, смогу спуститься в кратер, но сопровождающий велел остановиться и разбить лагерь. Полярный день коварен, кажется, что еще полдень, но внезапно холодает, при этом не темнеет – а это уже ночь.

Не спалось при таком ярком свете, вспоминал, как собирались в поездку, как ждали встречу с незнакомой землей. Якутские пейзажи казались инопланетными. Люди также – словно из другой галактики. Эвенки и эвены, чукчи, юкагиры, ненцы – все абсолютно разные, у каждого своя история, свой путь, своя правда. Выжить в этих краях не просто, это южане собирают четыре урожая в год и живут без забот, здесь же любой неверный шаг может привести к гибели, как одного человека, так и почти целого народа. Вот, например, наши проводники-юкагиры. Когда-то это был многочисленный род, была своя письменность, правда, писать приходилось в основном женщинам, это была их обязанность. Люди для этих мест были рослыми, черты лица имели близкие к европейским. Охотились, ловили рыбу, разводили оленей. Когда на их земли заявили чукчи-кочевники, как говорили мне наши специалисты по истории северных народов, воевать они не собирались, хотели лишь мирно пасти свой скот, но их начали изгонять, завязалась длительная междоусобная война, кровная месть. Кто был прав, кто виноват, сейчас не поймешь, да и не важно, главное, что местное население практически истребили, но в свою очередь и юкагиры, как гласят их предания и легенды, убивали целые стойбища чукчей. И те и другие брали в плен женщин и детей, впоследствии кровь смешалась, однако жажда мести, увы, осталась. Меня, человека крайне мирного, далекого от конфликтов и политики, всегда удивляло, почему людям так тесно на такой большой земле, особенно здесь, где можно неделю путешествовать – и ни одного человека не встретить.

Я не понял, спал я или всего лишь дремал, усталость, волнение, смена часового пояса и неутомимое солнце не дали провалиться в глубокий сон. Уже не терпелось взобраться по пологому склону, но наши местные спутники остановили нас: сейчас идти нельзя, духи не разрешают. Старший из проводников, юноша по имени Вагирел, велел нам ждать в лагере, а они с товарищем пошли на разведку.

Мои попутчики тоже томились от безделья и неизвестности, эта экспедиция требовала от каждого повышенной выносливости и силы, поэтому все мои коллеги – молодые, следовательно, активны и деятельны. Самый юный – Федор, выходец из крестьян, сын травницы. Мать с рождения брала его в лес, объясняла, какая трава лечит, какая может навредить, поэтому Федя в свои 22 года был ходячей энциклопедией по ботанике. Он предупредил нас, что побродит рядом, поищет интересенькое, у этого мальчика кроме знаний был нюх на растения, где любой из нас прошел бы мимо, юный Федор Иванович поворошит веточкой, подкопает и достанет какой-то диковинный корешок.

Георгию, моему ассистенту, 32 года, он писал диссертацию под моим руководством, готовился стать молодым доцентом. Несмотря на то что внешне был весьма импозантен, семьи не имел, наука занимала все его время, не успевал ни ухаживать, ни знакомиться с барышнями,

заводить романы со студентками считал неприличным, а кроме родной альма-матер и лаборатории нигде и не бывал.

Третьим был комсомолец, которого нам навязали, чтобы мы не вели антисоветских бесед, не скрывали бы находок от партии. Звали его Тимофеем, возрастом его мы не интересовались, понятно, что был молод, силен, физкультурник. Впрочем, он оказался любознательным, старался развивать не только тело, но и ум. Я в свои 46 был для него, вероятно, старцем, относился Тимофей ко мне почтительно, команды выполнял безоговорочно, старался взять ношу потяжелее. Вскоре мы забыли, что он приставлен к нам надзирателем, приняли в свою команду.

Вернулся Федя с кипреем узколистым, в народе его называют иван-чай, а по-якутски «кучу». Он обладает успокаивающим свойством. Федя понимал, что у всех нервозность и бессонница. Сели пить чай и ждать.

Я знал, что неподалеку от вулкана было жилище шамана и его двух жен. Скорее всего, проводники пошли просить разрешения провести к его кратеру белых людей, но отсутствовали они уже 6 часов.

Мы ждали до вечера, тревога нарастала, воздух пропитался напряжением и страхом. Я посмотрел на берестяные карты и пиктограммы, которые дали мне сотрудники кафедры натуральной истории, и принял решение пойти к землянкам шамана, дал команду не разделяться, идти всей группой. День или ночь сейчас, значения не имело, было абсолютно светло. И от этого яркого света картина, открывшаяся нам, была еще страшнее. Территория вокруг жилища была в крови, казалось, что никто не выжил, людей зарезали как скот. Самое ужасное из увиденного было то, что одна из жен была беременна, когда я прикоснулся к ее руке, то понял, что она еще жива. Мы действовали слаженно и быстро, один нашел иглы и жилы для шитья, второй приготовил спирт, я зашивал. Кровь остановилась. Георгий остался с женщиной, обработал рану стрептоцидом, а мы пошли искать еще выживших.

В жилище все было перевернуто вверх дном, я бросился искать амулеты, предметы для камлания, не нашел ничего. Не было даже фигурки Мугды, ее делали из черепа умершего шамана, ей поклонялись, ее кормили. Все самое ценное и святое было украдено. Даже при беглом осмотре лично мне сразу стало понятно: чукчи и кровная месть здесь ни при чем, инсценировка была очень грубой, неизвестные рассчитывали на примитивных людей, рассуждая примерно так: коль вырезали юкагиров, значит, орудовали чукчи. Тела шамана не было нигде, проводники тоже пропали. Я решил пойти к вулкану. Вдруг метнулась чья-то тень, я – за ней, к лошади бежал человек в чукотской одежде, правда, выглядел он как-то странно. Я сначала не мог сообразить, что в нем не так, но на бегу с его головы упал капюшон, обнажив светло-русые волосы. Он обернулся проверить, не видит ли кто его, солнце светило ярко, в моей памяти он остался навсегда. Европейец с классическим овалом лица, но слишком близко и глубоко посаженные глаза делали его похожим на волка, густые серые брови усугубляли это сходство. Я понял, что если когда-либо встречу этого человека, похожего на оборотня, то узнаю его непременно. Он прыгнул в седло, и пока я взвешивал, как правильно поступить, пустился наутек. У меня было оружие, но я ученый, а не военный, меня не учили стрелять по живым мишеням, оказалось, это невозможно, даже если бы он попытался убить меня. Вдруг рядом раздались выстрелы, Тимофей тоже сорвался с места, чтобы догнать человека с волчьим взглядом, но тот стремительно удалялся в сторону леса – теперь уже однозначно, мы упустили его. Наши лошади отдыхали от упряжи, а пешему за конным гнаться нелепо.

После погони все встало на свои места и ситуация прояснилась. Мне, верующему человеку, было не понятно, как можно разграбить чужие святыни, уничтожая все и всех, не боясь Божьего Суда. Наш оборотень молод, воспитан при атеизме.

Мы с Георгием отправились к вулкану, оставив раненую на попечение Феди и Тимофея.

У подножия увидели наших проводников, они не знали, что есть выжившие, пришли сообщить скорбную весть шаману. Тот был в кратере, они не смели подняться туда. Меня

также не пустили со словами «нельзя мешать общаться с умершими, надо ждать, иначе духи и нас могут принять за мертвых». Увиденное в поселении не давало покоя. Я спросил у Вагирела про предметы для камлания: может, они были украшены золотом? И я не ошибся в своих подозрениях, у Мугды в глазницах были золотые вставки с алмазами. В то время еще никто не знал, что в Якутии найдут алмазные месторождения, но местным среди золота удавалось обнаружить особо прочные камни, которые высоко ценились, хотя их еще там и не умели огранять. Этими находками украшали все самое святое и самое дорогое. У шамана были и золотые самородки, и алмазы.

Когда он спустился к подножию вулкана, то вместо приветствия спросил: кто выжил? То ли природная мудрость, то ли умение читать по лицам, то ли действительно колдовство, но объяснять ничего не пришлось. Когда пришли к жилищу, я убедился в том, что женщине мы вовремя оказали помощь, убийца рассчитывал, что она будет одна и истечет кровью, а может, мы его спугнули. Шаман обнял жену, не выпускал ее из рук, баюкал как ребенка, она улыбнулась, лицо порозовело, стало абсолютно ясно, что она и малыш будут живы и здоровы. Нам неловко было наблюдать за ними, поэтому оставили их. Вагирел с помощником готовили к погребению убитых. Семью шамана по традициям следовало хоронить в лесу, далеко от жилья. И не в земле, как принято у нас, а в надземной могиле, выбирали четыре рядом стоящих дерева, отпиливали у них верхушки, на высоте примерно полутора метров соединяли перекладинами, куда устанавливали гроб, выдолбленный из ствола дерева. Такая могила называлась арангас. Тимофей и Федя помогали юкагирам, а мы с Георгием были для них уже лишними, только создавали ненужную суету. Мы снова решили идти к вулкану, хоть это и казалось кощунственным в данный момент. Взяв все необходимое, выдвинулись. И вот он – вождеденный момент, хоть и омраченный страшными событиями...

Растения встречались диковинные, характерные для сурового климата – лишайники, низкорослые, но невероятно яркие цветы. Я не поверил своим глазам, когда увидел родиолу розовую – очень ценное лекарственное растение, которое в народе называют «золотой корень», обладает мощным противовирусным, антибактериальным свойством, способно подавлять опухолевые метастазы. Водно-спиртовой экстракт этого вида снижает наркотическую зависимость, начало века принесло нам и кокаин, и морфий. Но, главное, родиола розовая оказывает омолаживающий эффект, я уже знал, что она замедляет старение насекомых, теперь пришла пора тестировать его на крысах и кроликах. Это была ценнейшая находка, уже ради одного этого экспоната можно было ехать на край света. Неземной аромат испускали цветы Саган-Дайля – экспедиция явно удалась! Это растение стимулирует иммунитет, тонизирует, так же, как и родиола розовая, замедляет процесс старения. До создания препарата оставался один шаг. Мы ликовали, надо было с собранным урожаем скорее отправляться в лабораторию.

Когда вернулись, шаман встал, подошел ко мне, жестом показал, что нам надо переговорить без свидетелей, я вышел за ним.

– Если бы не ты, белый человек, моя старость стала бы одинокой, не осталось бы того, кому дар богов передать. Ты спас моего наследника, мою жену, теперь тебе принадлежат моя жизнь и мои знания. Тебе угрожает опасность, этот волк хочет загрызть тебя, если его увидишь, сразу беги, одолеть не сможешь, даже не пытайся, запомни: только бежать. Вижу, что жить тебе в другом краю, поэтому подарю амулет, который всегда был на мне, он защитит тебя так же, как ты меня спас.

На следующий день мы выдвинулись к Ленским столбам. В остальной поездке в Якутию прошла без происшествий.

Софья Александровна

Москва

Какие повороты и зигзаги устраивает нам судьба, казалось бы, все в моей жизни уже было предопределено: я должна была стать матерью большого семейства, ездить на балы, заниматься благотворительностью, меня учили вести хозяйство и блистать в свете. Я была влюблена в Мишеля, моего жениха, он был умен и хорош собой, я слыла красавицей: наполовину гречанка, я обладала неординарной, яркой внешностью, умом Бог тоже не обидел... Не зря говорят, человек предполагает, а Бог располагает. Я бы никогда не поверила тому, кто смог бы наперед предсказать то, что с нами произойдет. Но как бы революция и гражданская война ни ломали наши жизни, мы старались оставаться теми, кем были рождены, интеллигентными людьми, которые не могут быть безучастными к чужим бедам и страданиям. Нам в трудное время помогали, сейчас мы стремимся быть полезными другим. После пережитого ужаса, когда Мишу повели на казнь, я не могла рисковать судьбой будущих детей. Тогда, к счастью, уже была Верочка. Мы оба – врачи и знали, как регулировать рождаемость. Вместо большой семьи у меня были два самых дорогих человека, мы не могли общаться с нашими братьями, сестрами и племянниками, не вправе были подставлять их под удар. Но у нас есть мы и наша профессия, мы живем не зря. Самым трудным оказалось общение с новой «элитой», людьми малообразованными, но власть имущими. Вопросы о том, кто именно виновен в бедах и страданиях всей страны, для нас не стояло. Слишком очевидным был ответ. После революции мне пришлось подтверждать диплом врача, учиться на медицинском факультете 1-го МГУ. Летом, после окончания третьего курса, мы поехали в дальнее поволжское село на практику. Чтобы нас встретили на станции, надо было отбить телеграмму, по иронии судьбы наш теплоход назывался «Баранов». Стоим на телеграфе, смотрим на текст: «Встречайте теплоход баранов» – и понимаем, что отправлять такое не будем, как-нибудь пешком доберемся... Вот так вся наша жизнь в СССР протекала, похоже, на теплоходе баранов... Все понимали, что везут в какое-то нехорошее место, но даже на бляние никто не решался...

В ожидании Миши из экспедиции я занималась обычными дамскими хлопотами, ездила на примерку к портнихе, пора было шить платья к большим советским торжествам, близилась осень, а я не люблю откладывать на последний момент, все должно быть готово заранее, включая туфли. Кроме того, мы с Верочкой каждую неделю ездили в детские дома, отвозили игрушки, конфеты, я пекла пироги. Моей любви должно было хватить на многих детей, к тому же нельзя жить только для себя, можешь сделать чью-то жизнь хоть немного лучше – сделай. В детстве мы с сестрами привыкли к тому, что наша мать всегда привечала нищих, бездомных странников, она заводила их в нашу усадьбу, сажала за стол и, пока те ели, расспрашивала о жизни, узнавала, что выгнало их из дома, чего они ищут в пути. Всегда давала на дорогу каких-то денег и припасов, нищие, не привыкшие к тому, что с ними общаются, как с равными людьми, что кому-то не безразличны их судьбы, уходили с надеждой на то, что в их жизни что-то изменится. Мы, дети, не могли понять, зачем ей надо вести в дом, пусть даже и не за наш стол, а в людскую, чужих грязных, плохо пахнущих оборванцев, а мама нам терпеливо объясняла: все мы одинаковые, но кому-то в этой жизни повезло, кому-то, к сожалению, нет, а мы тем и отличаемся от животных, что должны помогать друг другу, нельзя проходить мимо чужих страданий. Многие называли нашу мать святой, для нас она несомненно такой и была.

Как бы я ни загружала себя делами значимыми и не очень, почему-то в этот раз очень тревожилась о муже. С дочерью это не обсуждала, не хотела беспокоить ее, но бессонница снова вернулась.

Москва

В стране полным ходом шла подготовка к празднованию Великой Октябрьской революции, профессору не давали спокойно работать, студентов все время забирали на репетиции концертов, подготовку к демонстрации. А меж тем препарат уже был опробован на крысах, у самых старых самцов появилась сексуальная активность, залоснилась новая шерстка, повысился аппетит. Следующие в очереди – белые кролики.

В Москве портилась погода, зарядили бесконечные дожди, все вокруг стало круглосуточно-серым, только красные флаги тревожно мерцали.

Утро 7 ноября Романовский отстоял, приветствуя демонстрантов с портретами вождей и бумажными цветами, на трибуне, потом – бегом домой, переодеться к торжественной части в Кремле. Он не переставал восхищаться красотой и элегантностью Софьи Александровны, та встретила его в темно-синем платье в пол, украшенном вологодскими кружевами цвета топленого молока. Его жена всегда притягивала взгляды. Пора было идти, автомобиль ждал у подъезда. Вера осталась дома, ей эти собрания были еще не обязательны. Она обняла родителей и отправилась готовиться к коллоквиуму.

В фойе играл оркестр, дамы выгуливали наряды, мужчины вели светские беседы.

«Для чего была нужна революция? – подумал Михаил Кондратьевич. И сам же себе ответил: – Чтобы одни люди в правящей верхушке сменились другими». Он видел, как бедно и трудно живет вся страна, как тяжело работают и рано встают люди, как мало хорошего видят они в жизни. В принципе, ничего не изменилось, никакого коммунизма никто в правительстве не строил, каждый старался занять лучшее место под солнцем, судьбы других людей их не интересовали. «Светские балы теперь просто стали советскими», – усмехнулся профессор...

Михаил Кондратьевич пытался разыскать в толпе Тимофея, спросил о нем у ректора института, но получил неожиданный ответ: «Тимофей оказался английским шпионом и арестован. Теперь собирают документы по всем членам Якутской экспедиции».

Профессор был в недоумении...

И вот всех пригласили пройти в зал на торжественную часть собрания, чета Романовских не торопилась зайти в первых рядах, не стремилась занять места получше. Когда проходили к свободным креслам, Михаил Кондратьевич бросил взгляд в сторону президиума, вдруг резко сжал локоть супруги, шепнув ей на ухо: «Дорогая, я забыл в гардеробе пенсне, пойдем вместе заберем, не возражаешь?» Софья Александровна безоговорочно подчинилась, не задавала лишних вопросов, когда муж подал ей пальто, надел свое, сказав гардеробщику, что жене внезапно стало плохо, надо выйти на воздух. На улице профессор наклонился к жене и едва слышно произнес:

– Он в президиуме!

– Миша! Не может быть, ты обознался!

– Софи! Его невозможно ни с кем перепутать, таких глаз, такого взгляда больше нет ни у кого! Теперь понятно, что произошло с Тимофеем?

– Боже! Значит, он в правительстве или очень близок к нему.

– Нам надо немедленно бежать, понимаешь, у меня тоже очень приметная внешность, с моим ростом трудно быть незаметным, а он отчетливо видел меня. Надо спасать Веру и спасаться самим. Сейчас заходим за Георгием, на сборы не более 30 минут.

И тут всплыли наставления шамана: «Даже не пытайся бороться, беги» – не верить было невозможно...

Михаил Кондратьевич

Вот и пригодилась инструкция. Георгию все объясню по дороге. План был таков: наша семья уезжает с ним на служебном автомобиле в Калинин, утром молодой ученый идет в местную лабораторию, не вызывая ни у кого вопросов и удивления, отдает в работу образцы и возвращается в институт. Мы едем из Калинина в Ленинград поездом, а оттуда – в Псков, селимся в частном секторе, по адресу, указанному в инструкции, и ждем возвращения товарища, если он решится бежать с нами. У Георгия не осталось в живых никого из родни, его ничто не должно здесь держать, включая работу, а с моим отъездом она сведется к нулю. В связи с моим исчезновением его могут арестовать, допрашивать, жизнь сломают, в любом случае в институте знают, насколько мы связаны, никто не поверит, что я не сказал ему, куда уезжает моя семья. Усугублялось все тем, что ректор отметил: к каждому члену экспедиции уже пристальное внимание. К тому же, что греха таить, отец всегда думает о судьбе дочери, Вера уже в невестах ходит, а мужа ей хорошо бы русского, чтобы и душа, и мысли его были понятны.

Наконец добрались до дома моего ассистента, тот не стал расспрашивать, быстро сложил вещи и документы, договорились, что встречаемся на Патриарших прудах, ныне Пионерских. Оставалась Вера, я всегда был не робкого десятка, но как только осознал, что опасность может угрожать моим барышням, вспомнил шамана и понял, что я – самый настоящий трус!

Дома, впопыхах пояснив растерянной дочери, что мы спешно уезжаем навсегда, не позволив ей попрощаться с подругами, лихорадочно бросали в чемоданы все самое ценное, тут же что-то лишнее доставали, подумав секунду, укладывали снова. Самое важное было в лаборатории – и тут вся надежда только на Георга. Он умный, серьезный, я в него верю!

Вот мы уже на Патриках, машина стоит с выключенными фарами, молча забрасываем вещи в багажник, моментально садимся. На ходу придумываем, что надо за материалами ехать сейчас, вахтеры к нашим ночным работам привыкли, поздним визитом не удивим, а утром нас могут опередить люди в кожаных плащах. Спешим на Пироговку, решаем, что Георг идет один, выписывает себе командировочное удостоверение в Калинин, под этим предлогом собирает в чемодан важное и уникальное. Сидим в темной машине, двигатель заглушили. Холодно, тревожно... время ползет... наконец видим идущего неспешной походкой товарища, понимаем, что его могут видеть с поста охраны, стараемся лечь на сиденья, чтобы нас не заметили.

Это наш второй побег, жизнь снова обнулится, что-то начнем с чистого листа. Я начал рассказывать Вере о наших якутских страшных событиях, до этого момента берег дочь, а затем и ей, и Гоше поведал о том, как увидел оборотня в президиуме. Все же, полагаю, он увидел меня, если бы я был неприметным внешне, не пришлось бы сейчас бежать, но ведь говорят: что Бог ни делает, все к лучшему. Остается верить.

Дорога до Калинина была неблизкой, пока ехали, Георг перечислил то, что ему удалось собрать, а это почти все образцы и материалы, а главное – привезенные из Якутии растения. В родиоле розовой, растущей в Скандинавии или на Тянь-Шане, содержится в несколько раз меньше эфирных масел, чем в нашей, якутской, а значит, и живительные свойства у них слабее. Он взял все наши последние конспекты, записи формул, вытяжки из растений и экстракты, мы едем не с пустыми руками.

– Гоша, а как же Федя! Как его предупредить? – спохватился я.

– Он сейчас в деревне у матушки, я отпустил его на неделю, чтобы собрать поздние травы и ягоды. Не знаю, как сообщить, телеграмму отбить нельзя, могут отследить. Пока я в растерянности.

– В деревне быстро не найдут, кроме тебя адреса никто не знает, как только встретимся с нашим куратором, попросим помочь мальчишке.

План меняли на ходу, чем больше задумывались о последствиях, тем отчетливее понимали, насколько важно выиграть время. Машину решили оставить в Калининне неподалеку от лаборатории, но там не показываться, а пешком дойти до вокзала, причем разделиться на пары: я с Софьей, а Гоша с Верой. В разное время покупаем билеты, едем в разных вагонах, к кассам отправятся барышни, их разыскивать даже завтра еще не должны. Финальный штрих – смена внешности. Я избавился от бороды и побрился налысо. Утром пошли на рынок и купили одежду попроще, наши заграничные костюмы в провинциальном городе выглядели так же кричаще, как тоги римских патрициев. Шляпы поменяли на кепки, Софи и Вера повязали платки. На ноги приобрели войлочные боты, а пальто заменили на телогрейки, и вот мы уже вполне сливаемся с толпой.

Я плохо помню, как добрались до Ленинграда. На станции, издали наблюдая друг за другом, как договаривались раньше, взяли билеты до Пскова. Мы с Софи, проходя мимо, увидели, как молодежь покупает пирожки в буфете, стараясь на них даже не смотреть, не спеша направились к вагону, хотя хотелось схватить их в охапку и броситься бежать во весь опор без оглядки.

В поезде надвинул кепку на глаза и сделал вид, что сплю. Эх, сейчас бы стаканчик иванчая, мне нельзя показывать Софье, насколько я волнуюсь. Если наш побег провалится, я обреку на гибель трех самых дорогих мне людей. Но и оставаться в Москве в ожидании ареста – тоже не выход из положения. Зверь не успокоится, пока не уничтожит меня, я – свидетель, я для него опасен. На каком-то полустанке купили чай да баранки, нельзя выделяться, надо мимикрировать, доехать до Пскова, а там пешком, не торопясь, добраться до нужной точки.

Софья Александровна

Вижу, как переживает Миша, понимаю, что его мучает. Когда наконец достигнем места, указанного в инструкции, в Пскове, постараюсь объяснить ему, что без него нам будет угрожать еще большая опасность. Мы должны быть вместе, несмотря ни на что, никто из нас не бросит свою семью, столько уже прошли вместе, преодолеем и это.

Вот уже и узкая псковская улочка, маленький, неприметный домик. Нам открыла опрятная старушка, Миша спросил, сдастся ли комната для семьи ученого, женщина впустила нас. Предложила натопить баню, выставила на стол чугунок с борщом и сковородку с картошкой, как будто ждала нас именно сегодня. У меня не было сил удивляться, дорога заняла трое суток, без сна и еды. Мы вымыли руки и набросились на еду. Уснули мы прямо за столом. Почему в этой крошечной избушке у меня возникло ощущение полной безопасности, защищенности? Необъяснимо...

Яков Ковалев

Всю мою жизнь определил котел для плавки асфальта. Мы с пацанами, такими же голодными и оборванными беспризорниками, как и я, пытались там согреться. Чьи-то сильные руки, показавшиеся мне железными, вытащили меня оттуда. Это позже я узнал, что не только руки, он сам был «железным». Я пытался вырваться, но не тут-то было!

– Как зовут?

– Яцек! Пустите меня!

– Яцек?! Фамилия? Откуда?

– Из Вильно, фамилия Ковальский! Отпустите меня!

– Сколько лет тебе?

– Не помню, наверное, 11.

– А как же ты в Москву попал?

– Когда мамку убили, сначала пешком шел, потом к ребятам прибился, они на паровозах ехали в Москву, потому что здесь много хлеба, а хлеба-то и не дают нам. Если не отпустишь, дай хоть поесть.

– Идите все со мной, накормим всех. Так ты поляк?

– Да, но все смеются, когда по-польски говорю, и над именем Яцек смеются, поэтому зовут Яшкой.

Вот так я встретился с легендарным Дзержинским, он, узнав, что я его земляк, взялся меня опекать. Определил в детский дом рядом с Лубянской, оказалось, что его сын – почти мой ровесник. Феликс Эдмундович часто забирал меня к себе домой, где мы играли с Яном. К Дзержинским приходили гости, я всегда внимательно слушал, о чем говорят взрослые, так надеялся услышать, что меня оставят в этой семье. Позже я понял, что у них была очень маленькая квартира, но тогда она казалась мне райским местом, я не хотел возвращаться в детский дом, мечтал, чтобы мне постелили на полу и разрешили остаться навсегда. Однажды мне повезло, я растопырил уши не зря! Феликс Эдмундович принимал товарища из Якутска, которого во время революции освободили из тюрьмы, он приехал в город и быстро занял руководящее место в партии. Они с Феликсом обсуждали, где брать деньги на развитие хозяйства в стране. Гость заметил, что в их краях, где золото буквально лежит под ногами, все решается проще, достаточно потрясти местное население, золото сами принесут, а уж у шаманов-то его, этого золота, вовсе не счесть. Я стал проситься отправить меня в те земли, я хочу показаться на оленях, на собаках и привезти в Москву много золота, пусть и у нас будет, а то что он хвастает! Взрослые рассмеялись, но Дзержинский задумался. Когда провожал меня в детский дом, сказал: «Учись, отправлю тебя в Якутск». Я мечтал о поездках в дальние края и о сказочных богатствах. От Железного Феликса я перенял метод, не простой, но действенный – всегда добиваться своего, чего бы это ни стоило. С детства в голову засело когда-то подслушанное: если люди мешают достижению светлой цели, надо убирать их с пути любыми способами, если предстоит убить 100 человек для счастья миллионов, нечего жалеть эту сотню. Мальчишкой я свято верил в то, что, как только разбогатею, никто не посмеет дразнить меня! Я буду жить рядом с Дзержинскими, у меня всегда в доме будут пироги, и все будут бояться меня.

Софья Александровна

Не знаю, сколько мы проспали сидя, разбудила нас хозяйка. Познакомились, ее звали Надежда Карповна, она отправила нас поочередно в баню, сначала женщин, потом мужчин. Пока мы с Верой, раскрасневшиеся и переодевшиеся в привычные нам чистые и красивые платья, пили чай, разговорились с домовладелицей. Дочь купца первой гильдии, красавица, завидная невеста, а затем счастливая жена и мать, конечно же, попала в жернова революции. То страшное время не щадило счастливых людей. Красные зарубили всю ее семью у нее на глазах, бедная женщина лишилась чувств, о ней просто забыли, варвары бросились грабить купеческое добро, так она и выжила. А когда очнулась, долго выла и молила Бога забрать ее. В таком состоянии нашел ее один добрый человек, сказал, что грех просить раньше времени о смерти, надо помогать таким же попавшим в беду, в этом теперь ее предназначение. Он и привел ее в этот чистенький домик с банькой во дворе. Секрет его был в том, что стоял он в центре цыганского поселения, никто не рисковал зайти в кольцо цыганских домов. Поэтому и было такое ощущение безопасности. Здесь и организовали перевалочный пункт для тех, кого можно было спасти из смертельных объятий Советской власти. Вот поэтому всегда в печке томился чугунок с борщом. Если не было гостей, Надежда Карповна относила еду цыганятам, те, как саранча, налетали и сметали все, радостно было смотреть на их чумазные рожицы.

Хозяйка удивила нас, достав с чердака фотоаппарат, каждого сфотографировала для новых документов и удалилась, оставив нас отдыхать. Теперь мы поверили, что побег удастся, и провалились в сон...

Наутро я спросила разрешения выйти во двор, очень хотелось подышать слегка морозным, чистым воздухом, который, казалось, будто хрустит под ярким осенним солнцем. Надежда Карповна придумала занятие получше, велела нам с Верой собраться.

– Пойдем в дом к цыганскому барону, познакомлю с его матерью. У цыган матриархат, поэтому их старшая женщина будет разговаривать с тобой, Софья, как с главой твоей семьи, а Вера должна сопровождать мать и ухаживать за ней.

На улице я присмотрелась к ней, конечно же, только в темноте она показалась старушкой, это платок и горе в глазах сделали ее старше. Женщина поняла, о чем я задумалась, без всяких церемоний сообщила свой возраст: «Мы с твоим мужем ровесники, мне 46». Даты рождения для паспортов мы еще вчера ей написали.

Дом барона выделялся на фоне всех цыганских построек: круглые стены, крыша в виде купола – он напоминал срезанную верхушку от церкви. Внутри все тоже словно в храме, причем больше было похоже на католический костел: спальни – как капеллы, без передней стены, отделялись лишь колоннами, центр жилища – как наос, там собиралась вся семья. По традиции сыновья жили в родительском доме, повзрослев, они приводили жен, дочери уходили в семьи к мужьям. На почетном месте, как на алтаре, восседала крупная красивая женщина в годах, длинные седые косы спускались почти до пола, в ушах были серьги кольцами, на шее монисто. Представилась Любой, жестом предложила нам сесть. Тут же нам подали стаканы с крепким чаем, поставили сахар, мед, варенье. После того, как стол накрыли, цыганка спросила, кто мы, отчего и куда бежим. Я ответила, что куда не знаю, Земля ведь большая, а скрываемся от убийцы, который власть получил. И вкратце рассказала о том, что случилось во время якутской экспедиции моего мужа. Поделилась нашими переживаниями по поводу Федора, который в своей Рязанской губернии пока не подозревает, что его жизнь в опасности. Упомянула о Тимофее, которого, скорее всего, уже казнили.

– Вижу, что всю правду мне говоришь. Дай руку.

Я с опаской протянула ладонь, боялась даже вздохнуть, вдруг скажет что-то страшное, но лицо Любы озарилось улыбкой, с удивлением я заметила, что та тоже изрядно волновалась.

Вероятно, я совсем растеряла аристократические навыки скрывать эмоции и мысли, теперь весь спектр чувств был на лице.

– А ты думала, Соня, я ничем и никем не рискую? Тебя за кордон мои сыновья повезут. Они мне живые и свободные нужны. И мне, и женам, и детям. У тебя жизнь долгая, полная и счастливая будет, и умрешь хорошо и очень нескоро. А близких твоих руки мне смотреть без надобности, было бы у них плохо, по тебе бы черной полосой прошло, сама понимаешь. А теперь марш переодеваться, распускайте волосы, цыганки кички не носят. Ох, больно светлые у молодой! Рая, неси хну и басму.

Моя греческая кровь делала меня неотличимой от табора, а Верочка пошла в отца, была светло-русая. К обеду мы зашли к нашим мужчинам в длинных цветастых юбках, монистах, с косами из-под платков. Те с нами вежливо поздоровались, лишь через пару минут поняли и расхохотались. Теперь была их очередь преображаться. После полуночи, задолго до рассвета, Надя повела нас в цыганский дом, женщины сели за один стол, мужчины – за другой. Я заметила, что волею обстоятельств собрались вместе Вера, Надежда, Любовь и Софья. Хороший знак, все сложится. Люба сказала: о Федоре не волнуйтесь, цыганская почта быстрая, он уже в таборе вместе с матерью, их не найдут, а через год-другой, когда сам захочет, вернется под другим именем, а захочет остаться, никто не прогонит.

Ну вот пора и в путь. Прощай, Россия. Слезы лились у всех нас, мы их не стеснялись. Нас отрывали от нашей земли, от родного языка, от понятных нам людей. Мы никогда не сможем вернуться...

Цыгане никогда не рубят деревья, они для них живые, с душой, поэтому только собирают валежник. Пограничники привыкли к их кибиткам, знали, что те всегда вернутся к своим семьям, как только наберут для топки веток, обломков стволов, коряг, заодно и лес почистят.

Эстония

Георгий

Камень с души упал, когда узнал, что Федор в безопасности, в таборе его с матушкой никогда не найдут. Профессора, рослого и слишком заметного, уложили на дно кибитки, забросав одеялами и платками. Поехали в лес, дальше все зависело от Господа Бога и наших актерских способностей. Еще в Якутске я понял, что это страшное убийство навсегда изменит наши жизни. Больше всего я хотел работать над препаратом, открывать неведомые возможности нашего организма. Мы уже знали, что в экстремальных ситуациях люди перестают болеть, появляются недюжинные силы, мы используем наш потенциал едва ли наполовину. Почему в некоторых местах люди доживают до 140 лет, а в некоторых – и 60 за счастье? Вот, например, цыгане, которые нас спасают, живут в единении с природой, уважают окружающий их мир, думаю, поэтому даже при наличии непростых бытовых условий живут дольше европейцев. Господи, да что за мысли лезут в мою дурную голову! Достаточно нарваться на пограничный патруль, и все наше долголетие закончится одной пулей. Ладно, мы с Михаилом Кондратьевичем, а наши дамы! Вера... Я познакомился с ней, когда она была подростком, тогда разница в возрасте, мироощущении была колоссальной, а сейчас мы на равных. Верочка выросла редкой красавицей, причем не придавала этому значения, развивая свой интеллект, душу, личность. Я понял, что тону в ее глазах, схожу с ума от ее улыбки... Во что бы то ни стало я должен ее спасти. Впервые в жизни я понял, почему ради женщины назначались дуэли, рушились карьеры, совершались безумные поступки. И мне не важно, нравлюсь я ей или нет, лишь бы была возможность поклоняться ей, как иконе. Ради нее я изобрету этот препарат молодости и здоровья, чтобы она жила и цвела как можно дольше! Господи, помоги нам! Я помнил все молитвы, которым меня учили в детстве, старался прочитать каждую. Без веры человек жить не может. Это провозгласили атеизмом, а по факту заменили православие новой религией под названием коммунизм. Вот и вся атрибутика налицо: иконы – портреты вождей, всеночное бдение – съезды партии, религиозные праздники – Первомай и все торжества октября, те же подношения и пожертвования, чем не комсомольские и партийные взносы. Вожди возмнили себя богами. Молиться на себя заставили всю страну, всех поставили на колени, выбивая из сознания людей истинного Бога. Внешне, из-за страха за родных и близких почти все отреклись, но вот из души Всевышнего не изгонишь.

Солнце давно поднялось и, несмотря на осень, по-прежнему ласково пригревало. Въехав в лес, цыгане запели. Вероятно, так давали знать пограничникам, что это они едут без злого умысла, без коварных целей. Я ни в одной опере не слышал такого потрясающего пения, мужское соло сменялось женским, шел разговор о высокой и вечной любви, это было понятно даже тем, кто языка не знал.

Яков Ковалев

Я знал, что когда доберусь до Якутии, найду и золото, и алмазы, все добуду. Мне помог один из бывших ссыльных, который знал и местность, и людей, договорились с ним о доле, но когда он узнал, что я собираюсь пожить у шамана, побледнел, начал заикаться, сказал, что тот проклянет, нельзя даже взглядом обидеть этого их попа с бубном. Я успокоил бедолагу, а потом и воды Лены убаюкали его, погрузив в вечный сон. Я умнее, сильнее и хитрее, весь мир будет мой, не только эти кости с золотом. Когда я скрылся с добычей, принялся выковыривать драгоценности, все шло как по маслу до тех пор, пока не добрался до черепашки. Солнце блеснуло в глазницах, луч от проклятого алмаза ослепил, долото соскочило и рассекло мне левую ладонь. Кровища брызнула, как из тех узкоглазых, что я положил. Замотал руку, боль отстреливала аж в плечо, пришлось взять весь череп, прочным оказался. Смотрю на него и говорю: «Бедный Йорик!» – и такой на меня смех напал, аж эхо раздалось. Но, видно, зря ржал, рука пульсировала все сильнее, пока добрался до города, начала гноиться, в местной больничке рану обработали, швы наложили, но не помогло. Начался жар, понял, что в таком состоянии до Москвы не доберусь. Проклял меня шаман! Но я ни за что не сдамся, тем более с такими сокровищами, я запланировал для себя новую жизнь, с таким богатством мне среди москалей делать нечего, я уеду в Стамбул, окружу себя роскошью и наложницами, на востоке понимают вкус жизни. Кроме Якутска я еще кое-чего припас, в Москве, когда бывших буржуев трясли, в домах у них много интересного находили. Местный хирург, насквозь проспиртованный, решил ампутировать кисть, если бы я не потерял сознание от жара и лихорадки, ни за что не дал бы ему мне руку отрубить. Но хоть тот и заядлый пьяница, дело свое знал, культя зажила, через месяц я отправился домой. Живой. А это главное.

Теперь надо отыскать свидетелей, которые могут меня узнать, и обезвредить их. Не для того я руки лишился, чтобы эти уроды мне все карты попутали.

Проще всего было найти комсомольца, в этой стране без присмотра партии ни одна экспедиция не обходится, не так уж много этим летом было командированных в Якутск. С ним разобрались. Только узнал, кто мог меня увидеть, как вот он, голубчик, явился с докладом к нам на Лубянку, хорошо хоть успел перехватить его.

Михаил Кондратьевич

Боже, зачем я все это затеял! Мог бы просто спрятаться в глубинке, учительствовать в сельской школе, пусть бы скромно, но жили бы! То, что я делаю сейчас, – измена Родине, за это расстрел. За собой тащу жену и дочь, да еще и ни в чем не повинного мальчишку. Я лежал в кибитке на подушке, пахнувшей разнотравьем, этот запах противоречил моему беспокойному состоянию, был из другой жизни, утаскивал с удивительной силой мое сознание в сон, я просто провалился в другое измерение. Потом я понял, что цыганка-мать специально уложила нас на подушки с успокаивающими, как говорят в народе, сонными травами, чтобы от нас не исходил запах тревоги и адреналина, который так хорошо чувствуют пограничные собаки. Все самое опасное мы благополучно проспали, разбудили нас уже в Эстонии, на хуторе верстах в тридцати от границы. Неужели мы свободны?! Мы обнялись с цыганами, встречающий нас человек отдал им деньги, судя по радостному виду барона, весьма немалые, мы смотрели им вслед, пока их силуэты не скрылись в лесу, так мы прощались с родной землей навсегда.

В новой местности мы в очередной раз поменяли костюмы, как актеры, отыгравшие утренний спектакль, но уже готовящиеся к вечернему действию. Теперь нервозность отступила, мы смогли наслаждаться местным чистым воздухом, удивительно гармоничными пейзажами, Южная Эстония богата великолепными озерами и лесами. Вот мы дошли до исполинского дуба, который не смогли обхватить даже четвером, вот нам навстречу из леса выскочил заяц, вдали промелькнул олень... Давно уже не было такого ощущения безмятежности и покоя, вероятно, это было защитной реакцией организма – впасть в состояние умиротворения после нескольких недель стресса. Мы еще не успели даже подумать о завтрашнем дне, не знали, где нам предстоит жить и работать. На прогулке по берегу огромного, чистого и гладкого, как зеркало, озера мы условились, что не будем спрашивать нашего провожатого о предстоящем маршруте, куда привезут, там и приживемся, главное, что мы вместе. Озеро уже покрылось ледком, в северной стране чувствовалось приближение зимы.

Вера

Если бы не было так страшно, наше путешествие можно было бы назвать интереснейшим приключением, не каждому выпало нелегально перейти границу, постоянно перевоплощаясь то в крестьянку, то в цыганку. Мы встретили удивительных людей. Надежда Карповна, табор, что бы мы делали без вас?! Я видела, в каком нервном напряжении был отец, как он боялся за нас, Господи, помоги нам впредь жить спокойно и счастливо. Хоть и условились, что не будем заглядывать в будущее, я не могла не думать и не мечтать о том, как мы устроимся на новом месте, как будем учить язык, приспосабливаться к новым соседям, как со временем станем своими среди чужих. После прогулки эстонский встречающий сообщил, что мы едем в Тарту и там, в одном из старейших университетов Европы, отец может временно работать, а мы помогать ему, пока готовится наш переезд в Оксфорд. Вот интрига и раскрылась, теперь понятно, какой язык учить. Родители превосходно говорили по-французски и по-немецки, а я выросла при Советской власти, когда все иностранное считалось дурным и вредным. Как только прибудем в университет, попросимся вольными слушателями на факультет иностранных языков. Что же будет теперь с моим образованием? Вероятно, придется начинать все заново. У меня были чудесные верные подруги, которые никогда не узнают о том, что со мной, замечательные педагоги, которых мне будет не хватать. Моим куратором в мединституте была потрясающая женщина, она преподавала у нас латынь, Адоньева Вера Федоровна, моя тезка. Она учила нас не только предмету, учила жизни.

– По специальности вы будете врачами, – говорила нам она, – а дома, в семье, в обществе вы – женщины, которые должны всегда безупречно выглядеть, быть всесторонне развитыми. – Запомните, юные дамы, вы должны знать все об одном и понемногу обо всем. Вы должны уметь поддержать любую беседу, быть интересными мужу и правильно воспитывать детей. К сожалению, сейчас господствуют феминизм и равноправие, но сила женщины – в ее слабости.

Вдруг когда-то у меня будет возможность что-то узнать о родных учителях и подругах. Как же, оказывается, тяжело эмигрировать. Я раньше и представить не могла, что пережили русские дворяне, бежавшие от революции. Нам повезло, нас опекают, мы едем на готовые рабочие места, у нас сразу будет свой дом, и все равно, мы как маленькие дети, взволнованы и беззащитны.

Михаил Кондратьевич

Все же у нас, ученых, сдвинуто сознание, нормальный человек прежде всего думал бы об устройстве на новом месте, пусть даже временном, а мы с Георгом галопом понеслись в лабораторию. Важно было понять, что в этой страшной спешке нам удалось вывезти из Советского Союза. Нам выделили небольшую аудиторию и прилегающую к ней лабораторию. В Георгия я верил не зря: все самое важное было у нас, работа может продолжаться. Мы попросили у руководства сотню белых мышей, несколько декоративных крыс и кроликов из одного помета, пора было возобновлять опыты на животных. Самое главное в разработке препарата от старения – не простимулировать рост злокачественных клеток. Как создать такое лекарство, которое омолаживает только нужные ткани?

Нам не сказали, сколько времени мы проведем здесь, но мы решили не терять ни минуты, необходимо двигаться вперед. Хорошо бы еще пообщаться с местными долгожителями, узнать о том, что они считают продлевающим жизнь. Как ни странно это звучит из уст ученого, но о здоровье и силе надо говорить не с врачами, которые сами не всегда здоровы, а с теми, кто достиг преклонного возраста в полном здравии, как телесном, так и душевном. Я всегда серьезно воспринимал советы народной медицины, ведь это опыт, накопленный тысячелетиями. Надо попросить машину и переводчика, чтобы проехать по хуторам, здесь недалеко есть городок Отепя, рядом с которым раскинулось озеро Пюхаярве, знаменитое своей богатой флорой и фауной, уверен, будь мы здесь летом, нашли бы и полезные водоросли, и прибрежные растения, сейчас же можем пообщаться с местными жителями, а летом организовать сюда экспедицию. Чем дальше от цивилизации, тем растения полезнее, с этим не поспоришь. К тому же рядом нет промышленных предприятий, да и воздух сильно отличается от привычного нам, московского.

Софья Александровна

Наш вояж подходит к концу, скоро закончатся переезды и бытовая неустроенность, сейчас я стараюсь быть путешественником, изучать достопримечательности, природу, обычаи и нравы людей. Эстония похожа на иллюстрации к сказкам Андерсена! Небольшие прелестные домики, аккуратные цветники с можжевельником, даже зимой зеленым, и вот... по улице идет настоящий трубочист! Встреча с ним не редкость – в городке печное отопление. На улице запахи кофе из маленьких кофеев и имбирного печенья – пипаркоок, которое заранее пекут к Рождеству. Полное погружение в сказочный мир. И вся эта прелесть дополнена парком с вековыми деревьями, чистенькой речкой Эмайгой с горбатым мостиком через нее. Нам выделили квартиру с окнами на Ратушную площадь. Жилье оказалось очень удобным и просторным, даже жаль, что придется уезжать отсюда. Мужчины погрузились в работу, мы с Верой занялись бытом, денег нам выдали достаточно, чтобы мы могли привести в порядок гардероб. Правда, я еле сдерживала смех, когда видела лысого мужа и жгучую брюнетку-дочь, но это было мизерной платой за наше спасение. Вчера за семейным ужином мы решили, что интерес к препарату нешуточный, нельзя допустить утечки информации, поэтому ассистентами будем мы с Верой, дочери предстоит выучиться на фармацевта, а я буду восстанавливать знания в библиотеке. Очень трудно доверять людям, когда на кону передовое изобретение, способное полностью изменить жизнь человечества. Мы все прекрасно понимали, почему в нас вкладывают столько денег и сил, насколько уникален Мишин проект. Пока работа на полпути, но опыты дают потрясающие результаты. В СССР мужа все время торопили, навязывали решение провести пробы на людях, предлагая брошенных стариков из приюта, но очень велик риск навредить, должно пройти время, чтобы понять, что лекарство не стимулирует к развитию раковые клетки. Поэтому нельзя подпускать чужих людей, тем более в стране, которая нам пока не знакома.

Яков Ковалев

Что творилось через три дня на Лубянке! Пропал профессор Романовский, да не один, а с семьей и с ассистентом. Мечта Кобы о кремлевской таблетке рассеивалась в воздухе. То, что это побег, было понятно всем. Он специально выбрал праздничный день, который приходился на субботу, в воскресенье никто не заметил его исчезновения, спохватились только во вторник к вечеру. Он явно меня узнал, испугался и драпанул со всей родней, осталось просчитать, куда побежал: в Сибирь, Среднюю Азию или за кордон? Он мог легко затеряться в своей стране, ищи ветра в поле, но он не смог бы открыто работать, да и жить барин привык в роскоши, за версту чую, что из «бывших». Я попросил это дело себе, был уверен, что найду и уничтожу его, из-за него остался без руки, найду гниду, ответит за все. Почти сразу выяснили, что сбежал за границу, все материалы из лаборатории пропали, значит, собрался в тихом и спокойном месте продолжать. Надо посмотреть, с кем из иностранцев и когда встречался, если найду, в какую страну сбежал, разыщу его там во что бы то ни стало. Если предателям помогают бежать зарубежные спецслужбы, скорее всего, они уже скрылись из СССР, ближе всего Финляндия, Польша и Прибалтика. Точно рванули туда. Хотя враг хитер! Могли не спеша поехать к Китайской границе, пока на Западе все с ног собьются, потихоньку добираться на восток или перейти границу через Казахстан. Как же понять, куда направились?! И никаких свидетелей, никто не видел четверых с чемоданами и саквояжами, ни на одной станции не заметили интеллигента в пенсне с городскими дамочками. Надо срочно поднимать все его контакты. При всем содействии Кремля еще два дня понадобилось для того, чтобы я мог мелом на доске написать: «Профессор», обведя в кружок, а от него потянул стрелочки в разные стороны. Распустил его Иосиф Виссарионович, много дал воли, с кем только этот гад ни общался, к нему на чай приходили немцы, японцы, англичане. Последний был поляк. Неужели мой земляк помог скрыться? На всякий случай тревога была объявлена по всем пограничным пунктам, если еще не сбежал, поймем со всем выводком. А если рассмотреть плохой вариант, предположив, что уже семейка скрылась, то мне надо через наших зарубежных агентов следить за тем, где появится информация об открытиях в фармакологии. Пусть мой поиск и затянется, но я это дело на полпути не брошу. Сам пойду в разведчики, но из-под земли достану. Помощь с самого верха мне обеспечена, полномочия мои безграничны. К языкам я способный: польский, немецкий и русский знаю с детства, французский не нужен, у лягушатников кишка тонка такую рыбу выудить, надо учить английский. И следить за открытиями в научном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.